

УДК 81:39

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ УСТНОГО АНГАРСКОГО ТЕКСТА: КОД МАЛОЙ РОДИНЫ

О.В. Фельде (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье рассматривается проблема лингвокультурологической информативности и этической наполненности устного текста как макроединицы традиционной региональной лингвокультуры; выявляются типы текстов о малой родине в зависимости от доминирующей текстовой функции и особенностей выражения культуросмыслов.

Цель статьи – охарактеризовать этнокультурный концепт «малая родина» как макроединицу лингвокультуры Северного Приангарья и важнейший элемент лингвокультурологической информации устного текста, выявить базовые понятийные и аксиологические признаки данного концепта.

Методологию исследования составляют направленное интервью (на этапе сбора эмпирического материала); лингвокультурологический анализ текста и концептуальный анализ (на исследовательском этапе).

Результаты. Выявлено, что устные тексты о малой родине отражают и транслируют ценностно-смысловой код лингвокультурного сообщества сибиряков-ангарцев. По доминирующим текстовым функциям и способам передачи лингвокультурологической информации устные тексты о малой родине подразделяются на экспликативные, дескриптивные, апеллятивные и смешанные. Все тексты являются эмотивными, поскольку в их основе лежит эмоционально-смысловая доминанта – идея малой родины как высшей духовной ценности. Выявлены географический, социальный и этический компонен-

ты содержания концепта «малая родина». Установлено, что в его структуре ярко представлен аксиологический слой, который эксплицируется различными языковыми и стилистическими средствами.

Заключение. Устные тексты о малой родине обладают высокой степенью лингвокультурологической информативности, т.к. они отражают ценностную картину мира и эксплицируют образы сознания, свойственные менталитету русских старожилов Сибири. В текстах о малой родине отражены 3 модуля переживания мира – эмоционально-чувственное, душевное и эстетическое. Установлено, что в данных текстах передается только положительная оценка малой родины, которая мыслится и переживается как органичная часть большого лингвокультурного пространства «своих», именуемого большой родиной, отечеством. «Малая родина» как место рождения, родная земля является важнейшей единицей концептосферы традиционной лингвокультуры. Данный концепт имеет экзистенциальное значение не только для отдельного человека, но и для всего лингвокультурного сообщества; он аккумулирует в себе внеязыковую культурную среду, формирует солидарное чувство патриотизма.

Ключевые слова: *устный текст, традиционная региональная лингвокультура, этнокультурный концепт, малая родина, ценностная доминанта, переживание мира, экспликативный текст, дескриптивный текст, апеллятивный текст, эмотивный текст.*

Постановка проблемы. В начале XXI в. в недрах антропоцентрического языкознания зародилась новая – металингвистическая – парадигма, вектор развития которой направлен на изучение содержательной стороны языка в связи с сознанием, культурой и общественной жизнью человека. Новая научная парадигма, как справедливо отмечают исследователи, позволяет определить, «каким образом субъективный и объективный мир участвуют в создании языковых элементов и как посредством языка

создается и действует мир человеческой культуры» [Дасько, 2018], а также способствует решению фундаментальных проблем, связанных «с языковой личностью и выявлением ценностно-смыслового кода ее бытия» [Владимирова, 2012].

Важной задачей металингвистической парадигмы является междисциплинарное и трансдисциплинарное исследование национальных и региональных лингвокультур во всем многообразии форм их существования, функций и маркирующих единиц. В настоящее время эта

задача решается в рамках новой отрасли отечественного языкознания – психолингвокультурологии. В известном перечне научных работ, посвященных «ценностно-смысловым кодам» лингвокультур, недостает исследований, выполненных на диалектном и региолектном текстовом материале, слабо изучены особенности традиционных региональных лингвокультур. Это обстоятельство усиливает актуальность обращения к данному феномену и его макроединице – устному культураносному тексту.

Под региональной лингвокультурой мы понимаем целостный и одновременно гетерогенный лингвокогнитивный феномен, детерминированный национальными и этнотерриториальными культурными кодами и субкодами (антропоморфным, теологическим, мифологическим, биоморфным, бытовым, промысловым и др.), а также пространственными координатами, ценностными доминантами и социальным опытом локального сообщества. В этом определении нуждается в пояснении термин «код». Вслед за В.Н. Телией, мы трактуем его как «таксономический субстрат» текстов культуры, который «представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия, 1999 а, с. 20–21]. Лингвокультура (и национальная, и региональная) существует в трех основных формах: книжно-письменной, мультимедийной и традиционной. Виды лингвокультуры различаются жанрами, формами своего выражения, а также особенностями трансляции от одного поколения к другому. Традиционная лингвокультура выражается и транслируется устными текстами – повествовательными, назидательными, описательными, текстами-рассуждениями, монологическими и диалогическими, диалектными, региолектными, просторечными. Устные тексты фиксируют оценочное отношение говорящего к передаваемой информации, и характер этой оценки во

многим обусловлен социокультурным, идеологическим и психологическим факторами. В той или иной степени устные тексты содержат культурно значимую информацию, репрезентируют концепты духовной и материальной культуры, а также этические установки этноса и его субэтнических групп; они являются макроединицей традиционной лингвокультуры.

Смыслы устных текстов значительно шире и глубже их содержания и значения входящих в него лексических единиц. Разделяем точку зрения В.В. Бибихина, отметившего, что смыслы находятся в «неограниченном поле невыраженного горизонта смыслов человеческого мира; полнота смыслов оказывается богаче лингвистической выраженности, более того, смыслы как бы ускользают от оформленности в языке» [Бибихин, 1978, с. 241]. Существуют разные точки зрения на единицы выражения культурного смысла. Одни отмечают в качестве основных лингвокультурные и культурные концепты [Степанов¹, 2004]; другие – культурную коннотацию [Телия, 1999 а]; третьи – культурную сему, культурный фон, культурный концепт и культурные коннотации [Маслова, 2001]. Интересна точка зрения В.В. Воробьева, который полагает, что единицей культурного смысла является лингвокультурема, которая «аккумулирует в себе собственно языковое представление („форму как мысли“), так и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду». По мнению ученого, в лингвокультуреме диалектически сочетаются лингвистическое и экстралингвистическое, а источниками этой комплексной межуровневой единицы служат культурно-исторические явления [Воробьев, 1997]. Отмечая особенности лингвокультуремы, авторы «Нового словаря методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» подчеркивают, что лингвокультурема «живет в языке, только пока жив породивший ее идеологический контекст» [Азимов, Щукин², 2009]. Иную, ментальную, природу имеет культурный

¹ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 982 с.

² Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.

(этнокультурный) концепт, который является важнейшей единицей формирования, фокусирования и отражения культурно значимой информации текста, его культуруносного смысла. Суть данного феномена одним из первых подчеркнул Ю.С. Степанов, отметивший, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов³, 2004, с. 42]. В ракурсе рассматриваемой проблемы для нас важным представляется и то, что значение культурного концепта является итогом «идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей» [Ковшова, Гудков⁴, 2018, с. 57].

В рамках исследования выдвигается и доказывается следующая гипотеза: смысловой анализ этнокультурного концепта «малая родина» позволяет охарактеризовать лингвокультурологическую информативность, описать ценностно-смысловой код и этическую наполненность устного ангарского текста как макроединицы традиционной региональной лингвокультуры.

Цель статьи – охарактеризовать этнокультурный концепт «малая родина» как макроединицу лингвокультуры Северного Приангарья и важнейший элемент лингвокультурологической информации устного текста; выявить базовые дескрипторы данного концепта.

Эмпирическим материалом исследования служат тексты, записанные автором в 2012–2018 гг. на диктофон от коренных жителей трех районов Северного Приангарья – Кежемского, Богучанского и Мотыгинского. Эта территория, как много раз уже отмечалось, длительное время была оторвана от культурных центров страны и краевого центра – г. Красноярска, поэтому здесь отчетливо проявляются черты традиционной, патриархальной по своей сути, русской культуры; в живом употреблении функционируют старожильческие сибирские (ангарские) говоры и ангарский региолект.

³ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 982 с.

⁴ Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков / отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. 192 с.

Методология (материалы и методы). На этапе сбора эмпирического материала использовались методики направленного фокусированного интервью, когда респондентам заранее сообщалось, что речь пойдет об их малой родине. Задавались следующие вопросы: что значит для вас малая родина; различаете ли вы понятия «малая» и «большая» родина; каково ваше отношение к малой родине и родине этнической (государству). Было опрошено свыше 50 человек в возрасте от 38 до 85 лет. На исследовательском этапе применялась методика концептуального анализа и элементы лингвокультурологического анализа текста.

Цитируемые в статье тексты размещены в Электронном текстовом корпусе лингвокультуры Северного Приангарья⁵, созданном по инициативе и при участии автора статьи.

Обзор научной литературы по проблеме. Феномен культурно значимой информации текста и отдельной единицы языка не раз становился объектом исследования [Зыкова, 2017; Лесохина⁶, 2012; и мн. др.]. Авторы «Словаря лингвокультурологических терминов» понятие культурной информации связывают с «выделением из всего существующего общечеловеческих ценностей и тех ориентиров, которые выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе ее развития у того или иного народа в ту или иную эпоху» [Ковшова, Гудков, 2018, с. 55–56]. Безусловно, родная земля, место рождения, именуемое в русской лингвокультуре «малой родиной», относится к общечеловеческой ценности, однако в различных лингвокультурных сообществах этот концепт по-разному осмысливается и «переживается».

Зарубежные исследователи отмечают амбивалентность смыслов и «эмоциональную заряженность» понятия «родина». Во многих работах подчеркивается, что существует два различ-

⁵ Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. URL: <http://angara.sfu-kras.ru>

⁶ Лесохина А.М. Формирование у студентов языковых вузов умений извлекать лингвокультурологическую информацию в процессе чтения иноязычных текстов разных жанров: на материале испанского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. СПб., 2012. 26 с.

ных восприятия родины: во-первых, она мыслится как конкретное государство с его границами; во-вторых, воспринимается как продукт общего языка, земли и культуры. Ученые отмечают, что в настоящее время родина прежде всего ассоциируется с нацией и государством. Кроме того, понятие «родина» оценочно соотносится с родной землей, с конкретной территорией, откуда прибыли мигранты. Однако отсутствие границ в Евросоюзе, по мнению некоторых авторов, делает актуальным еще одно восприятие родины: как «сообщества народов, вдохновленных общими идеалами» [Vamvakidou et al., p. 4546].

В английской лингвокультуре концепт «родина» вербализуется лексемами *homeland*, *mother land*, *native land* и осмысливается преимущественно как «родная страна, из которой прибыла группа переселенцев в Новый свет». В «Словаре английского языка и культуры» слово *mother land* фиксируется в значениях: 1) страна рождения; родная земля; 2) страна, из которой первоначально прибыла группа поселенцев, в другой части света [Dictionary of English Language and Culture⁷, 2005, p. 117]. В немецкой лингвокультуре концепт «родина» имеет два основных имени – *Heimat* и *Faterland*. Этимологический словарь немецкого языка отражает 3 концептуальных признака концепта *Heimat*: «место, где человек родился», «страна, где человек родился», «место, где человек ощущает себя дома»: «Ort, Land, wo man geboren, wo man zu Hause ist, Vaterland». Этимологически лексема *die Heimat* восходит к *Heim* в значении «свой угол, домашний очаг, родной дом». До XV в. именно слово *das Heim* использовалось в значении «родина» [Etymologisches Wörterbuch des Deutschen⁸, 1993, p. 525]. Анализируя употребление немецкого термина «*Heimat*», М. Майер отмечает, что он выражает различные смыслы понятия «ро-

дина». «*Heimat*» – это и «всеобщий и истинно демократический дом для всех», и «воображаемое пространство, защищающее внутреннюю группу от иностранцев и тех «других», которые предположительно способствуют краху порядка»; при этом исследователь отмечает «реакционность» восприятия родины как защитного пространства [Mayer, 2018, с. 45]. Следует отметить, что в западноевропейской и североамериканской гуманитарной науке все большее распространение получает тезис о космополитизме как высшей форме патриотизма: «*cosmopolitanism, respectful of national identities, appears as a broader vision of patriotism, because it encompasses the human race / космополитизм, уважающий национальную идентичность, предстает как более широкое видение патриотизма, поскольку он охватывает весь род человеческий*» [Rebejko, 2019, с. 24–42]. Что касается привязанности к месту рождения (малой родине), то считается, что эта особенность выражена преимущественно там, где люди долгосрочно используют природные ресурсы для повседневного выживания. Джесика Грейбилл, например, отметила особенную привязанность к месту рождения, к родной земле у жителей субарктического острова Сахалин, для которых использование даров природы стало особенно важным после распада Советского Союза. В ее статье анализируются эмоциональные рассказы нивхов, эвенков, русских, проживающих на Сахалине, о природе родной земли, о существующей экологической угрозе. Д. Гейбилл вводит понятие «экологическая родина» с определенной «эмоциональной топографией, которая может быть нанесена на карту когнитивно, обеспечивая новые концепции эмоциональной, экологической топографии» [Graybill, 2013, с. 39–50]. Ценностная составляющая понятия родины как конкретной территории, как «природы, окрашенной личной перспективой», по мнению многих зарубежных исследователей, значительно ниже ценностной составляющей «родины этнической», т.е. государства, в котором проживает тот или иной этнос. В качестве причин называется и субъективность «личной перспективы»,

⁷ Dictionary of English Language and Culture. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2005. 1621 p. URL: <https://search.rsl.ru/>

⁸ Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / erarb. im Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Berlin unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer; Wilhelm Braun (zeit-weilig) ... Berlin: Akad. Verl., 1993. URL: <https://www.booklooker.de/B%C3%BCcher/Angebote/titel=Etymologisches+W%C3%B6rterbuch+des+Deutschen+Pfeifer+Wolfgang>

и потенциальная опасность децентрализации страны, и несоответствие привязанности к родине как месту рождения современным реалиям. Так, комментируя высказывание М. Хайдеггера о том, что родина – это то, что есть «рядом с нами», Джулиан Янг отмечает, что «в эпоху реактивных путешествий, телевидения, Интернета и мобильного телефона все сводится к “равномерному отсутствию расстояния”, в котором ничто не является “отдаленным”, и поэтому ничто не является “близким”, и поэтому ничто не может быть местом обитания» [Young, 2011, с. 285]. В результате эмоциональное переживание родины в космополитическом, мультикультурном, постнациональном обществе оказывается избыточным. Положительные оценки родины как места рождения и возмужания человека в основном отмечаются в мигрантском дискурсе и объясняются либо ностальгическими воспоминаниями о светлых годах юности, либо политическими причинами [Bridenthal, 2005, с. 187–218].

Такое восприятие родины представителями западной цивилизации контрастирует с осмыслением и переживанием малой родины большинством представителей славянской и в особенности русской национальной лингвокультуры.

Начало сопоставительным исследованиям концепта «родина» (Patria) было положено в начале 90-х гг. прошлого столетия на конференции в польском городе Люблине, посвященной понятию родины в современных европейских языках [Pojecie ojczyzny we wspolczesnych jezykach europejskich, 1993]. В настоящее время этой проблеме посвящено уже немало работ, выполненных на материале разных языков и культур [Wierzbicka, 1993; Bartminski, Sandomirskaya, Telija, 1998; Колабинова⁹, 2010; Кучерявых¹⁰, 2017]. Всеми исследователями отмечается, что в русской картине мира лингвокультурный мега-

концепт «родина» занимает исключительно важное место, его смыслы имеют глубокие архетипические корни, а концептообразующие области сложны и эмоционально окрашены. Любовь к родине, и большой, и малой, является яркой чертой русского национального характера. В известном круге работ, рассматривающих концепт «малая родина» (РОДИНА 1) в русской национальной концептосфере, отметим труды В.Н. Телия [1997; 1999 а; 1999 б; 2001], В.Г. Воркачева [2008; 2013], А. Вержбицкой [Wierzbicka, 1995 а; 1995 б; 1997], в которых содержатся тонкие наблюдения о смыслах исследуемого концепта и его этической сути.

Далее рассмотрим, какие лингвокультурные смыслы репрезентируют устные ангарские тексты о малой родине и в чем заключается их лингвокультурологическая информативность.

Результаты исследования. Имя концепта «малая родина» в настоящее время относится к достаточно частотным единицам современного русского языка. На запрос «малая родина» в поисковой строке Яндекса нашлось 5 миллионов результатов (121 тыс. показов в месяц, что может свидетельствовать об актуальности понятия малой родины для пользователей РУНЕТА). В Национальном корпусе русского языка данное словосочетание представлено в текстах разных жанров: художественных, публицистических (преимущественно), научно-публицистических. Отмечено также по одному вхождению в устном и мультимедийном подкорпусах, однако это говорит лишь о незаполненности контента этих подкорпусов. Ранний из зафиксированных в НКР примеров обнаруживаем в тексте 1958 г.: «*Лесной этот край – малая родина; Россия, Союз – большая <...> И всюду он нес с собою сыновью любовь к родной земле и к малой ее частице, согретой живой памятью детства, – надугорской стороне – с ее пустошами, лядами, зарослями иван-чая. Там и там – вдруг возникает этот мотив родной земли, как дорогая сердцу, не затихающая в нем песня*» (А.Т. Твардовский. Рабочие тетради (1958) // Знамя. 1989). По мнению кандидата филологических наук вологодского писателя В.В. Дементьева, именно А. Твардовский ввел выражение «малая родина»

⁹ Колабинова Т.И. Специфика репрезентации концептов РОДИНА, PATRIA, NATIVE LAND в русской, латиноамериканской и американской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 Казань, 2010. 22 с.

¹⁰ Кучерявых В.С. Способы языковой объективации концепта РОДИНА в современном политическом дискурсе Испании и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 М., 2017. 22 с.

в широкое употребление и обосновал этическую суть понятия, которое именуется этим словосочетанием. Поэтом был переосмыслен исторический термин «малая родина», который обозначает греческие города-полисы, поддерживающие связи с «большой» родиной – метрополией. В.В. Дементьев пишет: «Автор “Василия Теркина” <...> хорошо понимал, интуитивно чувствовал, что “громадь” великой советской державы должно быть дополнено чем-то близким и родным для каждого человека, что могучую государственность, занимавшую шестую часть земного шара, нужно как-то по-человечески одушевить. Необходимо привнести, как говорил Лев Толстой, «скрытое тепло патриотизма». Такую диалектическую связь малого и большого, частного и общего неожиданно и закономерно выявила и закрепила в народном сознании война. Вечные понятия, взятые в их первородной сути, такие, как «родина», «память», «семья», «любовь», «дом», «возвращение», получили нравственное и психологическое закрепление в душе каждого человека, приобрели очевидный ценностный смысл» [Дементьев, 2008].

Большинство контекстов, включающих словосочетание «малая родина», лично ориентированы («*моя* малая родина») и положительно оценочны. Локусы малой родины различны: это может быть республика в составе большой страны, область, город, небольшая деревня, «красивейшие места на реке Хопер», Васильевский остров в Санкт-Петербурге и даже «район улицы Куйбышева»: «У каждого человека есть своя малая родина: у кого-то – деревенька, маячащая за дальним косогором, у кого-то – маленький городок «с гудками над крышами, с гудками чуть слышными». А я люблю большой город-миллионник, по праву считающийся столицей Центрального Черноземья, – мой родной Воронеж. Все лучшее связано с ним: детство, юность, первая любовь...» (Елсуков Владислав. МАЛАЯ РОДИНА – БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ // Труд-7. 2000.11.24).

Анализ современных письменных текстов о малой родине показал дискурсивную вариативность данного концепта. Оценочные смыс-

лы «малой родины» в российском либерально-демократическом и патриотическом дискурсах диаметрально противоположны. Сравним «коды родины» Дмитрия Быкова и Валентина Распутина: «*Гипноз страшного слова “родина” пора бы уже, кажется, развеять. Человек не выбирает место рождения и ничем не отвечает за него. Но место рождения – не более чем область трогательных воспоминаний*» [Цит. по: Тимофеева, 2019]; «*Любовь к Родине – то же, что и чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. <...>. Для меня Родина – это прежде всего Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию...»* [Распутин]; «*Малая Родина, родной край дает человеку гораздо больше, чем он в состоянии осознать. Первые и самые прочные представления о добре и зле, красоте и уродстве берут начало здесь, и всю жизнь затем соотносятся с изначальными образами и понятиями*» [Распутин, 1984]. Сравнение позиций не только демонстрирует оценочную вариативность концепта *родина*, но и то, что сущность и малой, и большой родины в русской национальной лингвокультуре – этическая. Границы родины человек определяет исходя из своих идеологических установок, «цивилизационной» ориентации (на Восток или Запад), а также культурно обусловленных представлений о родном и чужом.

Лингвокультурологический анализ устных ангарских текстов о малой родине показал, что этот концепт не столько познается, сколько эмоционально переживается. В текстах о малой родине отражены 3 модуса переживания мира – эмоционально-чувственное, душевное и эстетическое. Как справедливо отмечает И.В. Зыкова, «переживание мира – это один из способов постижения человеком реальности, а также некий способ отражения в процессе познания действительности определенного психического состояния человека», выступающее как «событие» его собственной жизни [Зыкова, 2017, с. 259].

По своим коммуникативным особенностям и доминантным текстовым функциям устные ангарские тексты о малой родине подразделяются

на экспликативные, дескриптивные, апеллятивные и смешанные (последних большинство).

В экспликативных текстах говорящий поясняет смысл словосочетания «малая родина», выражает свое мнение о том, что такое «малая родина»: «Вот, спрашивают: “Че, вот, где родина, где у тебя родина? Че ты сюда приехал?” А тот отвечает: “Там где пупок обрезали, там и родина”. Это, по-моему, очень точное» (Мт.: Мотыгино, 2017). В приведенном тексте эксплицитно выражен основной понятийный признак концепта *малая родина* – «место рождения». В экспликативных текстах вербализуется также еще один понятийный признак исследуемого концепта – «пространство своих»: «А вообще вот че такое мала родина, как вот объяснить? Ну, мала родина. Как мы щас в Недоуре живем. Вот и все [– Вы здесь родились? – Собр.] Нет, в Заимке. Километров сто будет отсель. [– А Заимка тоже малая родина? – Собр.] – Заимка – это родна деревня. Родна деревня, да, была. Родилась там. Это все ГЭС наделал делов. Просто ни к чаму ее затопили. **А здесь мы тоже ангарцы, здесь мала родина наша щас**» (Кеж.: Недокура, 2018).

В дескриптивных текстах описывается привлекательный образ малой родины, воспринимаемый органами чувств и ощущаемый как высшая эстетическая и одновременно духовная ценность. Доминанту эстетического переживания родины составляет чувство красоты окружающего мира, чувство прекрасного. Эстетическое отношение к природе родной земли составляет область национально-специфического в ценностной картине мира ангарцев. В дескриптивных текстах используются перцептивные глаголы, колорастическая лексика, употребляются оценочные метафоры и сравнения: «Я не могу это объяснить... я не могла насмотреться на реку, на небо, на все. Этой голубизны неба я все равно нигде не увижу. Вот оно голубое, но оно не такое, даже синева не такая... А запах, запах... вот едешь на реке, этот запах-то... налетит ветерок с острова – аж медовым пахнет-то откуда-то с реки. Река тоже... вода пахнет по-своему, как будто сыростью такой,

какой-то свежестью пахнет... И вот едешь, оно перемежается-то оттуда-то это, вот запах. Это, не знаю, я не знаю, как это описать, как сказать это, это чувствовать нужно» (Кеж.: Козинск, 2013). Именно дескриптивные тексты являются наиболее информативными для исследования образного и аксиологического слоев концепта «малая родина».

В устных ангарских текстах нами выявлены две базовых метафоры малой родины: родного дома и земного рая. «Такой деревни вы не увидите нигде боле, потому что здесь можно жить, вообще ниче не делая. **Это рай на земле. Это можно чуть-чуть шевелиться и у тебя будет все! Понимаете? Я зачастую говорю: да эдак мы не жили. И эдак, как щас, деревня живет, не жила никогда вообще со времен ее обоснованья, так? Ниче можно не делать, когда хочешь можно вставать, куда хочешь можешь идти, че хочешь можешь говорить, сколь хочешь можешь спать, куда хочешь можешь съехать – короче, все, что твоя душонка желат, все тебе! Благодать! У всех, вы видите проходите: тут машина, там машина, там трактор, тут трактор – все на кнопках уже живем. Все!» (Кеж.: Яркино, 2018). Этот текст свидетельствует о наличии в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья эмоциональных и когнитивных эталонов, сформированных христианскими представлениями о мире земном и небесном.**

В апеллятивных ангарских текстах о малой родине имеются высказывания, побуждающие собеседника к каким-либо действиям. Как правило, это призывы защищать и беречь родину, делать ее сильнее, привлекательнее. В таких текстах ярко проявляется делиберативная речевая стратегия, когда рассказчик размышляет вслух, делится своими соображениями о соотношении понятий «государство» и «родина», «родина» и «власть». В таких текстах нередко акцентируются социокультурные смыслы: «Малая родина есть малая родина, каждому ведь она мила, а вот жители, они разные. Одни хапают, хапают, хапают и остается все. Вот они, дома есть, где все украшено, все сделано,

а человека нету. <...>. Мы думаем, что мы все- сильные и будем долго жить. Нет, не будем, если мы так к себе относимся. **Родина – это мое село родное. И его надо беречь, доглядывать за порядком. Беречь все должны, потому что мы должны сделать так, чтобы нашей родиной гордились, только гордились.** Только говорили: «Вот, посмотрите, как они работают, как живут. Вот так вот» (Бг.: Манзя, 2017). Анализ устных ангарских текстов о малой родине подтверждает наблюдение В.Н. Телии, что концепт родина¹ (малая родина) «является как бы персональным остовом для всех остальных наименований концепта «patria», если речь идет о личностной сфере субъекта. В этих случаях «малая родина» (родина¹) сопresentствует в «большой родине» как часть структуры знаний, присущих в скрытом виде остальным наименованиям» [Телия, 1997, с. 77–79]. Во многих суждениях ангарцев о малой родине слабо дифференцируются понятия «малая» и «большая» родина. [– Вы различаете понятия малая и большая родина? – Собир.]. – Ну, я как-то на этот вопрос особо не задумывался. Но для меня Яркино – это все, что есть на Земле. И родина, и государство. Для меня нету разницы. **Родина – она родина, ее любить, ее нады ценить, ее нады уважать.** Библия не учит, что ты наплюй на все. Нет. Библия учит все правильно: почитай и родителей, и начальство, и слушайся начальствующих всех, и не приступай слово Божье. Так? Слушаться нады постоянно. Вот и все. Вот тебе и будущность. А я лично про себя ешио раз добавлю: я не переживаю ни о чем, и не боюсь ничего, и не переживаю ни о чем, потому что я живу с Богом. Вот и все. А если я с самим Богом, значит а кого бояться?» (Кеж.: Яркино, 2018). В приведенном тексте эксплицирован важный концептуальный признак: малая родина как центр мироздания, исходная точка нравственного осмысления мира.

Родина воспринимается как родная земля своего народа, нуждающаяся в защите. Эта установка формировалась у сибиряков под воздействием особого сочетания природной среды, истории и культуры социума, сложившегося в

XVII–XVIII вв., когда защита всей русской земли, материнской территории для сибирских новопоселенцев была особенно актуальной. Представления о себе как защитниках и спасителях Отечества и поныне определяют ментальность коренного русского населения Сибири: «Я вот тоже часто задаю себе вопрос, если война... Победим мы сейчас?.. Хоть говорят, раньше Сталин там столько людей уничтожил, но люди шли в бой, даже ээки с зоны шли, воры в законе шли, хотя они могли сидеть в зоне и ничего не делать, воры в законе, но они шли за свою родину, как говорится, **есть родина – земля родная. Ее надо отстаивать, эту землю. Мама – земля.** Вот они из-за этого и шли. Даже обиженные крестьяне раскулаченные. Да. Как говорится, **окромя власти советской, есть земля родная.** Вот так вот. Не, ну, но у нас ведь героев много и было, и есть, и будет много героев в России. Но, хоть говорят вот деревенские ребята, но я знаю: наши все пойдут. Я вот так, я уверен. И я как бы сына своего всегда настаиваю, что земля родная есть – за нее надо воевать. Придется – пойдешь! Я даже, вот я вам не вру, даже погибнуть за нее готов. Вот я вам честно, руку на сердце ложу, так я говорил сыну, которому щас вот 9 лет, я ему лично сам говорил: «Умри, но не опозорь» (Кеж.: Яркино, 2018). Архетипические представления о земле-матери, родине-матери, унаследованные ангарцами от предков, передают ощущение сыновьей зависимости от родины и сыновьей же ответственности за нее. Это важная черта сибирского характера, который уже становился предметом исследования красноярских ученых [Сибирский характер как ценность, 2007].

Все процитированные нами тексты отличаются высокой степенью эмотивности, т.е. они сочетают в себе функции эмоционального самовыражения говорящего, положительной оценки малой родины и эмоционального воздействия на слушателя. «Переживание» родины представителем традиционной лингвокультуры Северного Приангарья эксплицируется различными средствами: лексическими (эмотивами, коннотативами, аффективами); единицами образного

строю диалектной и народно-поэтической речи; восклицаниями, риторическими вопросами и другими фигурами экспрессивного синтаксиса, а также эмотемами текста. Эмоциональное отношение к малой родине соотносится с эмоцией восхищения. **«Таких, как Яркино, на планете одна. Таких Яркин боле нету.** Ну и живите все хорошо, и мы будем хорошо жить, кто мешат. Бог-от всем дал – не однем. Мы живем, но и мы бережем сами, себе добывам. Много не добывам, никуда не продаем – сами для себя. А то, ну сделали электростанцию. Три Чубайса будут жить прекрасно, а вы как хотите. Сколь людей выселили! **Сейчас бы меня отсель выселили, все: я готов – умер. У барсука гнездо тепло, уютно, но орел в ем жить не будет, хоть кого ты ему делай. Орлу надо летать! И нам, так же нам.** Почему эти гэсы? Почему цивилизация?» (Кеж.: Яркино, 2012). В исследуемых текстах выражаются чувства любви, восторга, гордости, которые говорящие испытывают по отношению к своей малой родине. Используется лексика, обозначающая эмоции и эмоциональные состояния: **«Мать-Россия есть и есть мое Паново. Для меня одинаково, да. Паново – центр. Я всегда гордился и называл, кто приезжал, я говорил: «Это наш Пановоград». Я гордился, Пановоград я называл всегда»** (Кеж.: Кодинск, 2018); **«Ну, власть – это еще не Родина. Родина – то место, где ты родился. Меня тянет домой. Мне охота приехать, я люблю это место. Вот оно, тут все это родное. Я приезжаю домой, я знаю, куда сходить за грибами, я знаю, где отдохнуть душой и прочее. Ну вот, она, родина. Что еще надо?! А власти – это совершенно другое. Я говорю, что родина – это еще не власть. Ну, и государство, да, Родина. Ну, нас, да, нас обижают, нам где-то не дают, нас где-то это... приходится хлопотать, ходить. Ну, это все быт, жизнь. А я приезжаю домой, мне там хорошо, я вышла на угор – ой, вздохнула: да как хорошо! Сходила я покупалась, мне уже легче – все! И я ДОМА! Это РОДИНА, это вот, это мой дом»** (Бг.: Таежный, 2017);

«[– Вы считаете себя патриотом? – Собир.]. – А что это за слово такое, патриот? Я

не знаю такое слово [Человек, который любит свою родину. – Собир.]. – Как я не буду любить родину?! Я тут родилась и выросла тут. Для меня это что все счастье – земля эта! Как я не буду любить ее?! [А что для вас Родина – вся Россия или только Ваше село, Ангара? – Собир.]. – Ну, мне, допустим, только вот тут, Ангара эта, только здесь [– Не вся Россия? – Собир.]. – Ну, я там не бывала сроду, не знаю, че там творится, как там бывает» (Бг.: Богучаны, 2017).

Все процитированные выше тексты содержат эмотемы, которые можно сгруппировать по их основным типам: а) эмотемы, основанные на знании прецедентных феноменов (например, текст о Яркино, который рассказчик характеризует как рай на земле); б) эмотемы, основанные на передаче особого эмоционального состояния рассказчика, размышляющего о своей малой родине.

Заключение. Устные тексты о малой родине обладают высокой степенью лингвокультурологической информативности, т.к. они отражают ценностную картину мира и эксплицируют образы сознания, свойственные менталитету русских старожилов Сибири. Все тексты являются эмотивными, поскольку в их основе лежит эмоционально-смысловая доминанта – идея малой родины как высшей духовной ценности лингвокультурного сообщества. По базовым текстовым функциям и способам передачи лингвокультурологической информации устные тексты о малой родине подразделяются на экспликативные, дескриптивные, апеллятивные и смешанные. Ключевой единицей выражения их культурных смыслов является этноспецифический концепт «малая родина». В результате анализа выявлены географический, социальный и этический компоненты содержания данного концепта. Установлено, что в его структуре ярко представлены образный и аксиологический слои, которые эксплицируются оценочными метафорами родного дома, земного рая, а также различными языковыми и стилистическими средствами выражения эмоций и оценок. Исследование показало, что сибиряки-ангарцы демонстрируют, выражаясь словами философа И.А. Ильина, «инстинктивную прилепленность к

родному». В текстах о малой родине отражены 3 модуса переживания мира – эмоционально-чувственное, душевное и эстетическое. Установлено, что в данных текстах отражается только положительная оценка малой родины, которая мыслится и переживается как органичная часть большого географического и лингвокультурного пространства «своих», именуемого большой родиной, Отечеством. «Малая родина» как место рождения, как родная земля является важнейшей единицей концептосферы традиционной лингвокультуры. Данный концепт имеет экзистенциальное значение не только для отдельного человека, но и для всего лингвокультурного сообщества сибиряков-ангарцев; он аккумулирует в себе внеязыковую культурную среду, формирует солидарное чувство патриотизма.

Учитывая важность концепта «малая родина» для понимания ментальности сибиряков и характеристики национальной лингвокультуры представляется перспективным привлечение для сопоставительного анализа региональных книжно-письменных и поликодовых мультимедийных текстов, в которых он эксплицируется.

Библиографический список

1. Биbihин В.В. К онтологическому статусу языкового значения // Традиция в истории культуры. М.: Наука, 1978. С. 231–243.
2. Владимирова Т.Е. Металингвистическая парадигма изучения языковой личности // Метафизика. 2012. № 4 (6). С. 26–37. URL: <https://goo-gl.su/yrO1> (дата обращения: 10.09.2019).
3. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2008. 199 с.
4. Воркачев С.Г. Страна своя и чужая. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2013. 151 с.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология: (Теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1997. 331 с.
6. Дасько А.А. Металингвистический вектор изменения научной парадигмы изучения языка // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г.: в 2 ч. / БГУ, ФСК; отв. ред. О.И. Уланович. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. Ч. 2. С. 55–60. URL: <https://goo-gl.su/ZqNbVo0h> (дата обращения: 10.09.2019).
7. Дементьев В.В. Свет малой родины. Отчина и дедина. М.: Вече, 2008. 528 с.
8. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.
9. Маслова В.И. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
10. Нашхоева М.Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2011. № 1 (218). С. 95–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-kontseptsiya-emotsiy-i-emotivnosti-teksta> (дата обращения: 12.09.2019).
11. Распутин В.Г. Всю жизнь я писал любовь к России. URL: <http://irkutsk.bezformata.com/listnews/zhizn-ya-pisal-lyubov-k-rossii/3377493/> (дата обращения: 12.09.2019).
12. Распутин В.Г. Избранные произведения: в 2 т. М., 1984. Т. 1.
13. Сибирский характер как ценность: кол. монография / под общ. ред. М.И. Шиловой; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П.Астафьева. Красноярск, 2007. Вып. 2. 296 с.
14. Телия В.Н. Наименование РОДИНА1 как часть социального концепта «Patria» в русском языке // Языковая категоризация: материалы круглого стола, посвященного юбилею Е.С. Кубряковой по тематике ее исследования. М.: ИЯ РАН, 1997.
15. Телия В.Н. Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании родина // Язык и культуры: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 409–418.
16. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999 а. С. 13–24.

17. Телия В.Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте РОДИНА // Славянские этюды: сб. к юбилею С.М. Толстой. М.: Индрик, 1999 б. С. 466–476.
18. Тимофеева Е. Дмитрий Быков написал колонку, в которой призвал развеять «гипноз страшного слова «родина» в России // Сноб. 2019. 23 апр. URL: <https://snob.ru/news/176043/> (дата обращения: 14.09.2019).
19. Bartminski J., Sandomirska I., Telija V. Ojczyzna w polskim i rosyjskim jezykowym obrazie swiata // Z polskich studiow slawistycznych. Seria IX, Językoznawstwo. Warszawa, 1998. P. 21–29. URL: <https://goo-gl.su/LeUStjx> (дата обращения: 12.09.2019).
20. Bridenthal R. Germans from Russia: The Political Network of a Double Diaspora // In the Heimat Abroad: The Boundaries of Germanness / ed. Krista O’Donnel, Renate Bridenthal, and Nancy Reagin. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2005. P. 187–218. URL: <https://goo-gl.su/uL9EHPWw> (дата обращения: 15.09.2019).
21. Graybill J.K. Mapping an emotional topography of an ecological homeland: The case of Sakhalin Island, Russia // Emotion, Space and Society. 2013. Vol. 8. August. P. 39–50. DOI: 10.1016/j.emospa.2012.09.005
22. Mayer M. Heimat in a multicultural society. Reflections inspired by Ernst Bloch | [Heimat in der multikulturellen Gesellschaft: Oberlegungen im Anschluss an Ernst Bloch’] // Argument. 2018. 60 (1). P. 45–53. URL: <https://goo-gl.su/E114> (дата обращения: 30.09.2019).
23. Pojecie ojczyzny we wspolczesnych jezykach europejskich / praca zbiorowa pod redakcją Jerzego Bartmińskiego. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1993. 318 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_b_ik_75182
24. Rebejkow J.-C. Patriotism and cosmopolitanism in Diderot’s work // University of Toronto Quarterly. 2019. Vol. 88, is. 1. December. P. 24–42. DOI: 10.3138/utq.88.1.02
25. Vamvakidou I., Golia P., Kassidou S., Zigouri E. The perceptions of “Homelald”: Greek univtrsrities students define the term Proceidia // Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 2, is. 2. P. 4546–4550. DOI:10.1016/j.sb-spro.2010.03.728
26. Wierzbicka A. Dictionaries and ideologies: Three examples from Eastern Europe // B. Kachru, H. Kahane (eds). Cultures, ideologies, and the dictionary: Studies in honor of Ladislav Zgusta. Tuebingen: Niemeyer, 1995a. P. 181–195. URL: <https://goo-gl.su/1gLS> (дата обращения: 14.09.2019).
27. Wierzbicka A. Lexicon as a Key to History, Culture and Society: ‘Homeland’ and ‘Fatherland’ in German, Polish, and Russian // Current Approaches to the Lexicon: A Selection of Papers Presented at the 18th LAUD Symposium, Duisburg, March 1993. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1995 б. P. 103–155. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/4042933-current-approaches-to-the-lexicon> (дата обращения: 14.09.2019).
28. Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words. N.Y. Oxford: Oxford University Press, 1997. 331 p. URL: <https://goo-gl.su/M7W8k> (дата обращения: 12.09.2019).
29. Young J. Heidegger’s Heimat // International Journal of Philosophical Studies. 2011. Vol. 19 (2). P. 285–293. DOI: 10.1080/09672559.2011.560478

LINGUACULTURAL INFORMATIVENESS OF ORAL ANGARA TEXT: SMALL MOTHERLAND CODE

O.V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article deals with the problem of linguacultural and ethnical informativeness of the oral text as a macro-unit of traditional regional linguoculture; the types of texts about the small homeland are revealed depending on the dominant textual function and the peculiarities of the cultural meanings expression.

The purpose of the article is to characterize the ethno-cultural concept “small motherland” as a macrounit of the Northern Angara linguoculture and the most important element of the linguocultural information of the oral text, to identify the basic conceptual and axiological features of this concept.

The methodology of the research is a directed interview (at the stage of collecting empirical material); linguacultural analysis of the text and conceptual analysis (at the research stage).

Research results. It is revealed that oral texts about the small motherland reflect and translate the value-semantic code of the linguacultural community of Angara Siberians. According to the dominant textual functions and methods of linguacultural information transmission, oral texts about the small motherland are divided into explicative, descriptive, appellative and mixed. All texts are emotive, because they are based on the emotional and semantic dominant – the idea of a small motherland

as the highest spiritual value. Geographical, social and ethical components of the concept “small motherland” are revealed. It is established that in its structure the axiological layer is vividly represented. This layer is explicated by linguistic and stylistic means.

Conclusion. Oral texts about the small motherland have a high degree of linguacultural informativeness, because they reflect the value picture of the world and explicate the images of consciousness peculiar to the mentality of the Russian original residents of Siberia. In the texts about the small motherland three modes of world transformation are reflected: emotional-sensual, spiritual and aesthetic. It is established that in these texts only a positive assessment of the small homeland is transmitted, which is thought and experienced as an organic part of the large linguacultural space of the “own”, called the big homeland, the Fatherland. “Small motherland” as a place of birth, native land is an important unit of the conceptsphere of traditional linguaculture. This concept has existential significance not only for the individual, but also for the entire linguacultural community; it accumulates a non-linguistic cultural environment, forms a solidarity sense of patriotism.

Keywords: *oral text, traditional regional linguaculture, ethno-cultural concept, small motherland, value dominant, experiencing the world, explicative text, descriptive text, appellative text, emotive text.*

References

1. Bibikhin V.V. To the ontological status of linguistic meaning // Tradition in the history of culture. Moscow: Nauka, 1978. P. 231–243.
2. Vladimirova T. E. Metalinguistic paradigm of language personality study // Metaphysics. 2012. No. 4 (6). P. 26–37. URL: <https://goo-gl.su/yrO1> (access date: 10.09.2019).
3. Vorkachev S.G. The idea of patriotism in the Russian linguistic culture. Volgograd: Paradigma, 2008. 199 p.
4. Vorkachev S.G. Country: native and foreign. The idea of patriotism in Russian linguaculture. Moscow: INFRA-M, 2013. 151 p.
5. Vorobyov V.V. Linguaculturology: (Theory and methods). Moscow: RUDN university publishing house, 1997. 331 p.
6. Dasko A.A. Metalinguistic vector of change in language learning scientific paradigm. In: Proceedings of the III International conference “Linguistic personality and effective communication in the modern multicultural world”, Minsk, 26–27 Oct. 2017: In 2 parts. / BGU, FSK; edited by O. I. Ulanovich. Minsk: Izdatelsky tsentr BGU, 2018. P. 2. P. 55–60. URL: <https://goo-gl.su/ZqNbBo0h> (access date: 10.09.2019).
7. Demytyev V.V. Light of the small motherland. Fatherland and grandfatherland. Moscow: Veche, 2008. 528 p.
8. Zykova I.V. Metalanguage of linguaculturology: constants and variants. Moscow: Gnosis, 2017. 752 p.
9. Maslova V.I. Linguaculturology. Moscow: Izdatelsky tsentr “Akademia”, 2001. 208 p.

10. Nashkhoeva M.R. Linguistic conception of emotion and emotive text // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gos. un-ta. Seriya Lingvistika (Vestnik of the South Ural State University. Linguistics). 2011. No. 1 (218). P. 95–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-kontseptsiya-emotsiy-i-emotivnosti-teksta> (access date: 12.09.2019).
11. Rasputin V.G. All my life I wrote love for Russia. URL: <http://irkutsk.bezformata.com/listnews/zhizn-ya-pisal-lyubov-k-rossii/3377493/>
12. Rasputin V.G. Selected works: In 2 volumes. Moscow, 1984. Vol. 1. URL: <http://irkutsk.bezformata.com/listnews/zhizn-ya-pisal-lyubov-k-rossii/3377493/> (access date: 12.09.2019).
13. Siberian character as a value: collective monograph / Chief editor M.I. Shilova; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. Krasnoyarsk, 2007. Vol. 2. 296 p.
14. Telija V.N. Name RODINA as part of the social concept “Patria” in the Russian language. In: Proceedings of the Round table devoted to the anniversary of E.S. Kubryakova on the subject of her research “Language categorization”. Moscow: IYA RAS, 1997. P. 77–79.
15. Telija V.N. Priority tasks and methodological problems in research of phraseological structure of language in the context of culture. In: Phraseology in the context of culture. Moscow, 1999. P. 13–24.
16. Telija V.N. Reflexes of consciousness archetypes in the cultural concept of MOTHERLAND. In: Slavonic etudes. Collection of articles by the anniversary of S.M. Tolstoy. Moscow: Indrik, 1999. P. 466–476.
17. Telija V.N. Concept-building fluctuation of the constant “native land” in the name of homeland. In: Language and cultures: Facts and values: To the 70th anniversary of Yuri Sergeevich Stepanov. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2001. P. 409–418.
18. Timofeyeva E. Dmitry Bykov wrote a column in which he called to dispel the “hypnosis of the terrible word ‘homeland’” in Russia // Snob. 2019. April 23. URL: <https://snob.ru/news/176043/> (access date: 14.09.2019).
19. Bartmiski J., Sandomirskaya I., Telija V. Ojczyzna v polskim i rosyjskim jezykowym obrazie swiata // Z polskich studiow slawistycznych. Seria IX, Jezykoznawstwo. Warszawa, 1998. P. 21–29. URL: <https://goo-gl.su/LeUStjx> (access date: 12.09.2019).
20. Bridenthal R. Germans from Russia: The Political Network of a Double Diaspora // In the Heimat Abroad: The Boundaries of Germanness / ed. Krista O’Donnel, Renate Bridenthal, and Nancy Reagin. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2005. P. 187–218. URL: <https://goo-gl.su/uL9EHPWw> (access date: 15.09.2019).
21. Graybill Jessica K. Mapping an emotional topography of an ecological homeland: The case of Sakhalin Island, Russia // Emotion, Space and Society. 2013. Vol. 8. August. P. 39–50. DOI: 10.1016/j.emospa.2012.09.005
22. Mayer M. Heimat in a multicultural society. Reflections inspired by Ernst Bloch | [Heimat in der multikulturellen Gesellschaft: Oberlegungen im Anschluss an Ernst Bloch’] // Argument. 2018. 60 (1). P. 45–53. URL: <https://goo-gl.su/E114> (access date: 30.09.2019).
23. Pojecie ojczyzny we wspolczesnych jezykach europejskich / praca zbiorowa pod redakcja Jerzego Bartmińskiego. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1993. 318 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_b_ik_75182
24. Rebejkow J.-C. Patriotism and cosmopolitanism in Diderot’s work // University of Toronto Quarterly. 2019. Vol. 88, is. 1. December. P. 24–42. DOI: 10.3138/utq.88.1.02.
25. Vamvakidou I., Golia P., Kassidou S., Zigouri E. The perceptions of “Homelald”: Greek univtrsites students define the term Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 2, is. 2. P. 4546–4550. DOI:10.1016/j.sbspro.2010.03.728
26. Wierzbicka A. Dictionaries and ideologies: Three examples from Eastern Europe // B. Kachru, H. Kahane (eds). Cultures, ideologies, and the dictionary: Studies in honor of Ladislav Zgusta. Tuebingen: Niemeyer, 1995 a.

- P. 181–195. URL: <https://goo-gl.su/1gLS> (access date: 14.09.2019).
27. Wierzbicka A. Lexicon as a Key to History, Culture and Society: 'Homeland' and 'Fatherland' in German, Polish, and Russian // Current Approaches to the Lexicon: A Selection of Papers Presented at the 18th LAUD Symposium, Duisburg, March 1993. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1995 b. P. 103–155. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/4042933-current-approaches-to-the-lexicon> (access date: 14.09.2019).
28. Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words. N. Y. Oxford: Oxford University Press, 1997. 331 p. URL: <https://goo-gl.su/M7W8k> (access date: 12.09.2019).
29. Young J. Heidegger's Heimat // International Journal of Philosophical Studies. 2011. Vol. 19 (2), P. 285–293. DOI: 10.1080/09672559.2011.560478